

АВГУСТ

7 августа 1922 г. Монхеган

Письмо Н.К. Рериха к Шибяеву В.А.

Родной мой Яруя.

Ждём немецкую смету. Кроме того, я запросил Когана («Жар-птица») в Берлине. Сражаемся и работаем. Первая часть книги готова. Вышлем её Вам в сентябре. Покажите её Синевиц. Я так рад, что около Вас есть опытная душа. Скажите ей, что я к ней чувствую истинную симпатию. Таких людей надо ценить. Их мало.

Если Вы потерпели разочарование в Каменской, то я потер[пел] то же в Безант. Это печально, но это так. Но, конечно, наша работа на Россию и на Восток, и потому мы уже знаем, что «новые, новые, новые соберутся». И потому каждый новый наполняет сердца радостью. Сейчас к нам подошли трое новых. Молодые, ищущие души! Приятно, что всегда, когда нужно, кто-то приходит. Так и теперь, в этих новых — мы видим наследников в Америке. Ведь здесь нам осталось — 11 месяцев.

Юрик уже в Париже; его адрес *270 rue de Vaugirard. Paris. XV*. Пока живёт у Шкляверов. Светик, видимо, отходит от архитектуры и идёт в искусство. Сегодня мы его ждём из Нью-Йорка. Сидим на островке — суцая Финляндия. Те же скалы, и хвоя, и прохлада.

Конечно, ещё много битв будет и много надо выдержать. Но под Щитом М. биться прохладно.

Получил два запроса: из Москвы и из Берлина — хотят издать мою монографию. В России даже теперь мыслят об искусстве! И, конечно, для будущего наш девиз: «Любовь, Красота и Действие».

И об этих трёх крепко Вас обнимаю. Жена моя шлёт Вам привет.

Душою с Вами.

Н. Рерих.

312 West 54 Street Master School of U. A.

7 авг. 1922.

Вестник Ариаварты. 2002. № 1.

11 августа 1922 г. Париж

Письмо Ю.Н. Рериха к родителям

270, rue de Vaugirard. XI Paris

11 Авг. 1922

Дорогие папа и мама!

Пишу Вам второе письмо из Парижа. Всё это время был страшно занят. Нужно было достать Carte d'identité, визу в Германию и всякие удостоверения.

Был у Pelliot. Он был страшно мил и уже задал мне работу по древне-китайскому языку. Одолжил также необходимые книги. Он очень против того, чтобы я брал доктора в Париже. Вообще он против всяких степеней.

Также он мне советовал брать меньше курсов, а больше работать научно. Так что пока я беру всего 6 курсов в Collège de France et à Ecole des Hautes Etudes.

Завтра еду в Германию, ибо в Париже сейчас никого нет. Проф. Roger сейчас уехал на дачу. Сегодня подаю прошение на стипендию. Первый взнос уже получил. С М-м Марцеарли повидаться после Германии, ибо сейчас очень много дела по устройству. Тенишева сейчас также вне города. Видел русского посла Маклакова. Он на меня произвёл несерьёзное впечатление.

Осматривая Лувр, видел много ценного для моей работы. Сегодня иду в Банк получать мой чек и в Institut des Hautes Etudes Slaves. Жить здесь можно на 600 fr. в месяц. Купил себе сапоги, теннисную рубашку.

Жорж меня очень тронул своим отношением к делу М.М. Он постоянно перечитывает данные сеансы в Лондоне и знает их наизусть. Носит также на себе присланные ему вещи в Лондоне. Я ему читал книгу, которую возьмём на Рейн, чтобы читать. Переписываю Ваши слова Фабия и Св. Сергия, которых у нас нет в наших записях: "Irae dies lacrimosa dies illa qua resurget ex favilla homo reus parce Deus" (Fabius)¹

"Для учёбы Фабия писанья Римской Церкви, приобрети; для воссоздания очей духовных Иисуса Христа, Матери Пречистой Богородицы воздаяние – обновление мира; оно придёт, сказание исполнится, народы восстанут и построят Храм Новый". Св. Сергий

Крепко Вас обнимаю

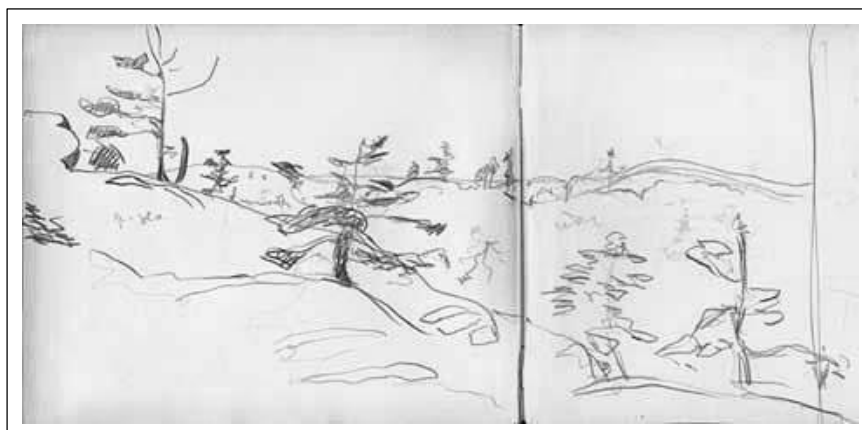
Юрик

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке

Н.К. Рерих. Св. Сергий. 1922.

¹ Плачевен тот день, когда восстанет из праха для суда грешный человек, так пощади его, Господи! – ред.

Н.К. Рерих. Наброски из путевого альбома «Монхеган».

11 августа 1922 .

Из дневника Зинаиды Фосдик:

Вчера, 10 августа, мы с Н.К. и Е.И. покинули Монхеган и ехали вместе до Бостона, откуда они сегодня утром, 11 августа 1922 г., отправились к Чарльзу Крейну в Вудшелл — погостить два дня. Дорога у нас была прекрасная, от Монхегана до Томастоуна ехали два с половиной часа маленьким пароходиком, и нас не качало — день стоял дивный, мы все время любовались прелестными видами и островками. В Томастоуне взяли автомобиль до Роклэнда, проехали через [весь] прелестный старый городок Томастоун. Е.И. наслаждалась по дороге чудным воздухом, пахнущим свежим скошенным сеном. Вообще воздуха морского она не переносит, говорит, что он всегда пахнет рыбой и солью. Она же, гораздо больше любит горы, реки, озера, как, например, Ладогу, которую она, видимо, обожает. Приехав в Роклэнд, мы сели на пароход, поужинали. Посидели часа два на палубе: Е.И. мне много рассказывала о физическом и моральном воспитании своих детей. И, действительно, немудрено, что при такой прекрасной системе получились такие чудные сыновья. Идеальная диета — нормальная, здоровая, легкая; полная забота о желудке и вообще всем организме ребенка; приобретение для детей всевозможных самых дорогих игрушек, самого прекрасного, самых лучших книг по природе, ботанике, зоологии; воспитание в них чувства красоты, развитие в них любви к животным. Е.И. — самая идеальная мать, какую я когда-либо встречала, не говоря уже о том, что это одна из мудрейших и начитаннейших женщин. И какое дивное сердце! Какая любовь к людям!

Она мне, между прочим, на днях рассказывала, что начиная с детского возраста, обожала больных и уродливых животных: собак, птиц с разбитыми и подбитыми крыльями, старых воробьев, некрасивых утят. Одно время она ухаживала за журавлем, у которого было сломано одно крыло. И «журка» бегал за ней как собака, она его кормила, лечила, но он, бедный, все-таки умер. Живя в имении, она вставала рано и ходила кормить птиц, лошадей, собак и коз. Все они ее знали, все к ней бежали.

Прожили мы с Рерихами на Монхегане немного больше месяца, с 7 июля до 10 августа, имели наслаждение проводить с ними целые дни в беседах и планах о Школе и нашей будущей совместной жизни здесь [в Америке] и в бу-

душем в России. Три раза в день встречались за столом. Сколько смеха, шуток, тонкий юмор Н.К., его неподражаемые рассказы, воспоминания, беседы с Е.И., имеющие глубокое эзотерическое и религиозное значение! Ее дивное сверкающее лицо, полное красоты и блеска, прямо не от мира сего. Почти каждодневные длинные прогулки. Три раза в неделю — общие беседы с Мастером. И счастье слушать вместе с Рерихами мудрость Учения. И благодать любви, направленной на нас; поучение нас на деятельность. Это был лучший месяц в моей жизни и жизни Нуци и это время положило краеугольный камень в основу всей нашей будущей жизни. <...>

11.VIII.22

Н.К. Рерих. Наброски из путевого альбома «Монхеган».

13 августа 1922 г. Страсбург
Письмо Ю.Н. Рериха к родителям

**Grand Hotel
de l'Europe Vignette
STRASBOURG
P. DIEBOLD**

Strasbourg 13 Авг. 1922.

Дорогие папа и мама!

Пишу Вам уже из Страсбурга, eu route в Германию. Пробуду здесь ещё день и отправлюсь в средневековый город Speyer вниз по Рейну.

Страсбург мне очень нравится. Осматривали Собор, присутствовали в 12 ч. дня при прохождении апостолов на знаменитых часах в портале Собора. поднимались на колокольню, откуда вид на весь Страсбург и Рейн. Слушали также орган и пение. Сегодня совершили длинную прогулку по городу и вдоль Рейна. Много очень старых улиц. Завтракали в ресторане, помещ. в доме начала XV столетия. Очень интересные окна и стулья. Вообще здесь мало старой обстановки.

Из Страсбурга едем на Speyer, Metz, Кобленц, Bonn и Kreutznach. В Kreutznach'e собираемся усиленно играть в теннис и поездить верхом. Также закупить книгу. Одна немецкая книга мне обойдётся очень дёшево.

Пришлю маме книги по теософии, если найду интересные. Светке достану книги по новому театру в Германии. Заходил до отъезда из Парижа в Musee Guimet. Какой чудный музей, особенно хорош Тибетский музей – collection Vasot.

Голубев сейчас в Париже, но болел жёлтой лихорадкой, которой заразился в Индо-Китае. Я передал сторожу Музея свою карточку.

Кн. Тенишева тоже сейчас вне города. М-м Манциарли увижу тотчас же после приезда из Германии. За 4 дня пребывания в Париже был занят устройством необходимых дел.

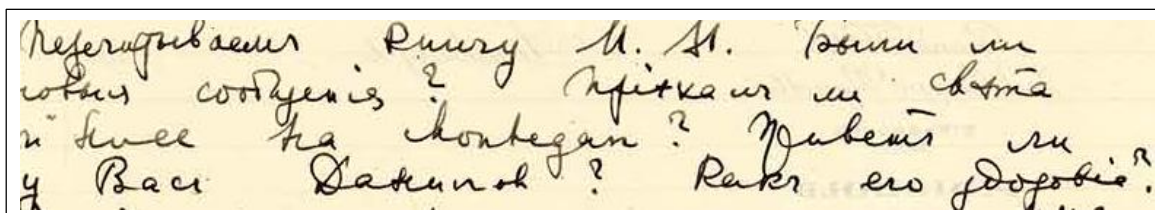
Работы будет очень много. К счастью, экзаменов у меня не будет, и я смогу спокойно работать научно. Тут действительно наука хорошо поставлена. Текст Епифания, который я привёз, оказался неизвестным для Pelliot, и он очень просил меня показать ему.

Вообще мне Париж очень понравился, хотя в Августе никого в городе нет. Очень мало движения на улицах. Был на rue de la Paix и вспоминал маму. Сейчас по ней ходит много американцев. Лувр сейчас закрыт, кроме картинного отделения, которое я осмотрел.

О Русских балах я пока мало слышал. Французы помогают русским студентам. Открывается русское студенческое общежитие, где студенты будут пользоваться даровым помещением и столом.

Из России официально сообщают, что в Минской губернии началось большое восстание против большевиков. Красные полки, посланные против повстанцев, присоединились к ним. Взят Борисов и Игумен. Сейчас идёт осада Могилёва. и уже два дня как под городом идёт сильный артиллерийский бой. Силы повстанцев достигают 20 000 т.г.

На Галлиполи добровольцами построен памятник в виде Креста, в память погибших добровольцев. Крест виден со всех пароходов, входящих в Босфор. Символ России.

Перечитываешь книгу М. М. Были ли новые сообщения? Приехал ли Света и <...> на Monhegan? Живёт ли у Вас Данилов? Как его здоровье?
Пусть мама напишет письмо М-м Шклявер, хотя бы короткое.
Пока желаю Вам всего лучшего, и часто очень Вас вспоминаю. Вспоминал Вас в Соборе, ибо знаю, как бы Вам понравился он. Завтра опять иду туда. Кстати, в городе здесь живёт много Roehrig...
Шклявер шлёт искренний привет.
Крепко Вас обнимаю,
Ваш Юрик

Фрагмент письма Ю.Н. Рериха от 13.08.1922 г.

Перечитывал книгу М.М. Были ли новые сообщения? Приехал ли Света и <...> на Monhegan? Живёт ли у Вас Данилов? Как его здоровье?

Пусть мама напишет письмо М-м Шклявер, хотя бы короткое.

Пока желаю Вам всего лучшего, и часто очень Вас вспоминаю. Вспоминал Вас в Соборе, ибо знаю, как бы Вам понравился он. Завтра опять иду туда. Кстати, в городе здесь живёт много Roehrig...

Шклявер шлёт искренний привет.

Крепко Вас обнимаю,

Ваш Юрик

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке

16 августа 1922 г.

Из письма З. Лихтман к Рерих Е.И.

...В школе бываем каждый день, там кипит работа, т.е., конечно, всю работу выполняет теперь Frances, ибо только она и может заключать контракты на различную рекламу в журналах. Кроме того, она приглашает учителей и ведёт с ними все переговоры.

По её мнению, новым учителям она говорит, что ученики будут посылаться к ним на дом и школа будет получать 25%, а учитель 75%. О преподавании в школе и 50% процентах она им не хочет говорить, ибо, во-первых боится они не согласятся, а во-вторых в школе нет места для преподавания всем новым учителям. Я, собственно, отчасти согласна с этим, ибо думаю, будущее покажет, как всё вообще разовьётся.

Г-н Хорш твёрдо уверен, что в ближайшем будущем понадобится дом для развития Corona Mundi и школы, и предложил мужу пока уже посмотреть дома, чтобы иметь на примете, в случае необходимости какой-нибудь дом. Не видя в этом пока никакого вреда, муж согласился и вот сегодня они отправились. Конечно, они только осматривают, но ничего не делается, пока Вы, Николай Константинович, не приедете и не решите, что лучше сделать....

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке

16 августа 1922 г.

Письмо Рериха Н.К. к сотрудникам.

Среда, 16 Авг. 1922.

Дорогие друзья, мы только что получили Ваши письма. Спешу послать своё, чтобы успеть отправить его пароходом. Конечно, общая основная идея радует меня. Несомненно, я был уверен, что Хорш не откажется от работы и, конечно, величина расходов теперь зависит от него. Относительно выставки мы будем ждать: 1) ответа от страховой компании, 2) общей работы Корона Мунди, потому что сейчас всё идёт от корпорации, это означает, что брошюра должна быть готова. Кроме того, сейчас весьма опасно выставлять картины по низким ценам. Конечно, Корона Мунди будет давать всем благосостояние, а Мастер Институт - образование.

Пожалуйста, загляните в банк на Пятой Авеню (угол 44 улицы) и скажите вице-президенту Фенсеру, что они должны получить от Крейна чек на \$2700 из его денег. Я прошу положить на депозит \$ 1700 – на мой счёт и \$ 1000 – чтобы начать выплату моего долга. Мы очень приятно провели время у Крейнов. И, конечно, все работы М.М. дадут результаты сверх ожиданий. Но действие, действие, действие! Крепко целуем всех Вас. Моя жена чувствует себя намного лучше. Юрик добрался хорошо.

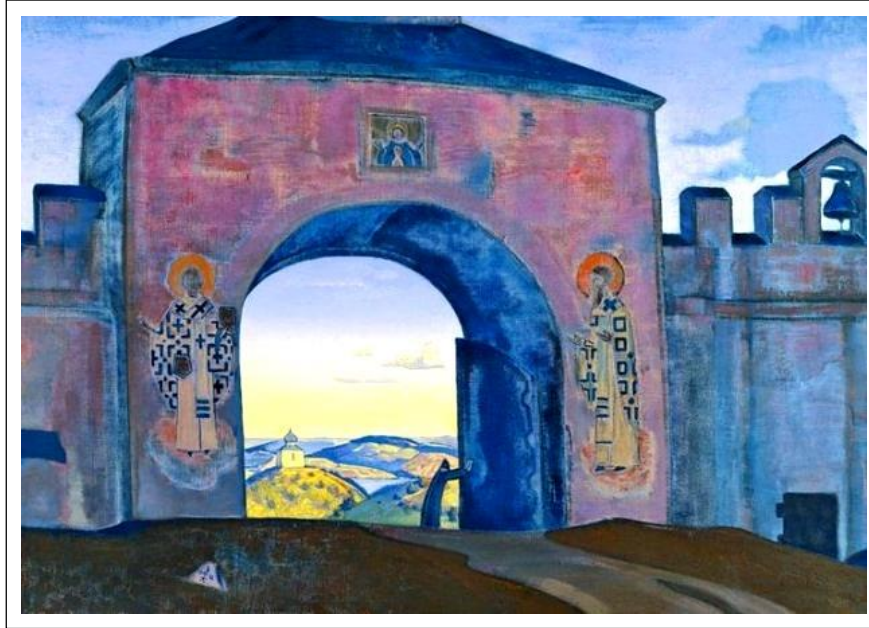
Сердечно Ваш,

Н. Рерих.

Как Питсбург и Толедо?

Мы заказали купе на 9^е сент. – это значит, что мы приедем 10го ближе к вечеру.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке

Н.К. Рерих. И открываем врата. 1922.

21 августа 1922 г.

Из записей Н.К. Рериха:

* * *

Господи, до чего же скудна одежда моя!
И куда завела меня боязливость!
Но в ненастный день, когда потемнеет солнце,
И закроют люди двери домов своих,
Выйду один я и, полный смелости,
Дойду до врат селений Твоих.
И беру я кольцо от затвора,
И стучу им, пока не поднимется к воротам
Твой Светлый Страж!
И говорю: вот пришёл,
Вот не уйду я, ибо мне некуда идти.
И если страж всем сверканием своим
Заступит врата Твои,
Не уйду я, Господи.
И дождусь я Праведного.
И за Ним пройду я врата,
Ибо проходят Праведные.
И за Ним, за Тобою избранным,
Я пройду в свет селений Твоих.

Возгласил Господи трубою на бой.
Моя труба и мой рог малы.
Но я и все со мною тоже вострубим!

Публикуется по изданию: Записи Учения Живой Этики. Т. 3. М. 2008.

[Август] 1922 г.

Московский Художественный театр на гастролях в США. 1922 г.

Н.К. Рерих.

СПЕКТАКЛЬ

Кажется особенным совпадением, что в этом зале Института Объединённых Искусств мне предстоит говорить о Московском Художественном театре. Ибо в самом высоком смысле значение слов «объединённые искусства» точно определялось именно работой Московского Художественного театра. Поэтому особенно близки ему по духу все учреждения, посвятившие себя делу Объединения Искусств.

Везде в России это название - Московский Художественный театр - ассоциировалось с ощущением какой-то особой атмосферы, всецело присущей ему. Оно никогда не произносилось пренебрежительно, но всегда искренне и с глубоким почтением, и так было не только в крупных городах, но даже в деревушках, повсюду, куда бы ни проникала слава его. Когда вы приходите в театр, с его спокойной и негромкой публикой, где в интерьере нет безвкусных украшательств и освещение не слепит глаза, вы инстинктивно ощущаете, что участвуете в чём-то значительном, присущем настоящему искусству. И создавалась эта атмосфера не рекламой, не особыми усилиями, но только трудом самоотверженным.

Когда, например, из-за кулис доходили слухи, что после пятидесятой репетиции какой-то пьесы вдруг вся постановка полностью менялась, это никого не удивляло. Конечно, для обычного европейского театра считалось бы нелепостью менять законченную работу после столь многих репетиций - фактически в рядовом театре редко бывает, чтобы проводилось так много репетиций. Но, когда речь шла о Московском Художественном театре, никого это уже не удивляло. Так как на каждой репетиции театра излагалась не только мёртвая буква пьесы, но и сама репетиция становилась творческим достижением. И так всё больше и больше возрастала творящая мощь. Именно здесь кроется разгадка к пониманию той особой атмосферы, которая была в Московском Художественном театре.

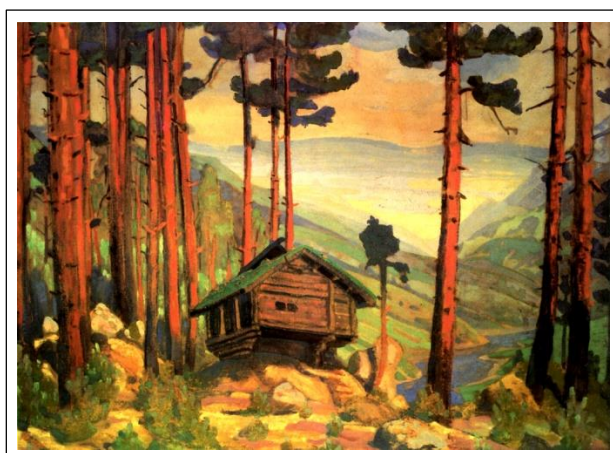
В 1912 году я начал основательно знакомиться с работой театра, так как в тот год дирекция его обратилась ко мне с вопросом, в каких постановках я бы хотел сотрудничать с ними. Сначала обсуждались две возможности: «Принцесса Мален» Меттерлинка и затем всеобъемлющая норвежская драма Ибсена «Пер Гюнт». Выбрать,

какая из них должна быть первой, для меня оказалось трудной задачей, потому что я искренне оценил образный стиль и проникновенное внутреннее содержание творчества Метерлинка. Но мне также было очень близко общечеловеческое звучание произведений Ибсена, поэтому, в конечном счёте, я выбрал драму «Пер Гюнт».

Н.К. Рерих. Эскиз занавеса к пьесе М. Метерлинка «Пер Гюнт». 1912.

Когда Московский Художественный театр ставит перед собой определённую задачу, тщательно изучается весь круг вопросов задолго до того, как приступить к созданию спектакля. И это делается не только в библиотеках, если нужно, актёров и режиссёров посылают также на место действия события, чтобы основательно ознакомиться с реалиями и историческими фактами. Так обстояло с пьесой «Пер Гюнт». Когда было решено остановить свой выбор на этой драме, первый вопрос их ко мне был: доводилось ли мне бывать в Норвегии? «Нет»,— отвечал я. На это они сказали: «Тогда Вам предстоит поехать туда и изучить все обстоятельства». Когда я отказался, они продолжали настаивать, уверяя меня, что полностью берут на себя организацию поездки. Я же объяснил им свой подход: вначале сделать оформление спектакля, а уж затем, возможно, поехать в Норвегию. Я всегда стремился создавать свои работы на основе внутреннего ощущения, исходя из духовных источников творчества писателя или композитора, не привнося в них элементы «реальностей» места действия. В конечном счёте, они согласились с моей точкой зрения, однако главные исполнители ролей во время отпуска были отправлены в Норвегию и Швецию, и там у самых истоков вдохновения ими были изучены все детали драмы. Осенью, когда обсуждали эскизы к постановке, подтвердилась моя точка зрения. Вернувшись прямо из Норвегии, они утверждали, что моя Норвегия была настоящей.

Н.К. Рерих. Домик Сольвейг. 1912. Эскиз декорации.

Впервые, пожалуй, планировалось поставить всю драму полностью с её пятнадцатью сценами. Разумеется, предполагалось, что ни одна декорация не будет повторяема, и нам пришлось написать около трёхсот эскизов костюмов, так как первым условием было, чтобы каждое действие полностью отличалось от другого. Московский Художественный театр часто обвиняли в том, что он слишком реалистичен из-за большого внимания к деталям. Но я полагаю, что этот реализм не поверхностный реализм прошлого века. Пьесы Метерлинка также реалистичны, но никто не может обвинить их в дешёвом реализме. Точно так же обстоит дело и с Московским Художественным театром, где постановки ставятся не реалистические, но «реальные»; и, конечно же, каждый согласится, что самая прекрасная сказка в мире - сама жизнь. И как раз эту самую сказку московские актёры претворяют в жизнь, не только в ярких постановках, таких, как «Царь Фёдор», «Юлий Цезарь» и «Гамлет», но даже в пьесах русской жизни, написанных Чеховым, где настоящая трагедия жизни, а не кажущееся сходство с жизнью.

Итак, мы приступили к работе, посвящая многочисленные вечера обсуждению замысла и характерных деталей драмы Ибсена. Во время тех встреч раскрывалась подлинная индивидуальность каждого человека, связанного с театром. Мы воспринимали скептический юмор Станиславского, была понятна сдержанность Немировича-Данченко, и проявляли терпимость к вспыльчивому кавказскому темпераменту режиссера-постановщика Марджанова. После обсуждения меня спросили: «Какие художники Вам будут нужны для написания декораций по Вашим эскизам»? Я знал, что они готовы были предоставить наилучшие возможности для этой работы, и назвал несколько имён художников, попросив их выбрать кого-нибудь одного, кого они сами предпочтут. «Почему одного, если Вам нравятся все? - прозвучал вопрос. - Мы распределим работу среди них так, что каждый получит то, что ближе душе его». Так я получил пять замечательных помощников, причём каждому из них предоставили, насколько это было возможно, лучшую студию и было дано достаточно времени для завершения работы наилучшим образом. И когда возникало какое-нибудь недоразумение, связанное с выполнением работы, меня всегда приглашали из Петрограда, чтобы обсудить ситуацию и предотвратить любую ошибку. Таким образом, такая работа поистине являлась совместным творчеством.

Когда были изготовлены все декорации, и мы посмотрели их в деле, нас попросили снять четыре полностью законченные сцены, иначе спектакль получился бы очень продолжительным. Но не думайте, что были разногласия по этому вопросу; даже сокращение пьесы было созидательным, так как оно вершилось не по предписанию, а путем деятельной разработки идеи. Ибо только таким путём можно полностью проверить, как мы осознаём, что самое действенное и выразительное для идеи в целом. И так, с полным взаимопониманием, мы убрали всё, что казалось слишком длинным или слишком скучным для восприятия.

Так же строго подходили и к подбору актеров и персонала. Только после продолжительных и обстоятельных обсуждений назначались исполнители ролей, и вместе с тем, вплоть до пятидесятой репетиции, ни у кого не было ощущения, что достигнута завершенность. Конечно, мы использовали музыку Грига, и дирижёр и композитор Московского Художественного театра (который, кстати, написал впечатляющую музыку к спектаклям «Гамлет» и «Синяя птица») совершенно блестяще сделал аранжировку сюиты Грига.

Когда осознаёшь, как много времени было потрачено на аранжировку музыки для подводного царства в сцене смерти Озе; как много сил было отдано, чтобы музыка звучала в соответствующих местах подводного царства, используя мощь звука до предела его тончайших возможностей, только тогда можно понять, почему на глазах у многих женщин появлялись слезы. Музыка пещеры троллей, сцены Сольвейг и танца Анитры, столь знакомая, звучала для зрителя как абсолютно новая, потому что картины эти давались в совершенно новом свете в подлинно живой форме.

Конечно, не следует представлять, что такая сложная работа объединённых искусств осуществляется без труда и всегда проходит спокойно и с улыбками. Я вспоминаю, что несколько раз Анитра пробовала новые па со слезами на глазах, ибо не просто без устали менять и искать новую выразительность. Иногда выражение лиц ведущих актеров было так сурово и замечания Немировича-Данченко столь резки и многозначительны, что я, как сторонний наблюдатель, думал — вот сейчас все прервётся, и не мог никак себе представить, смогут ли они вообще продолжать работу на следующий день. Но с наступлением следующего дня каждый член труппы был полон новых сил, идеи и возможностей. Бывало, подходит иногда ко мне актёр или актриса и говорит: «Право же, не могу я больше. Мне кажется, что всё, что я делал вчера, слишком банально. Я выкрикивал слова, но это было слишком поверхностно, я должен искать какие-то иные средства выразительности». И действительно, когда чувствуешь, что должен выразить что-то по-иному, найдёшь, как это сделать. И какая была радость принимать участие в настоящей работе, хотя и нелёгкой, но которая укрепляла истинное душевное старание. Когда, например, нам надо было изобразить шторм и кораблекрушение, всё было настолько продумано и до мельчайших подробностей предусмотрено, что результат оказался достаточно реалистичным, чтобы вызвать ощущение морской болезни. И ещё один случай, мы испробовали бессчётное количество способов для появления из стены чёрной фигуры, и, наконец, она появлялась вполне естественным образом из-под плаща Пер Гюнта, причём иллюзия усиливалась реалистическим шумом кораблекрушения. Да, это сотрудничество было настоящей радостью. Мне очень хотелось, конечно, чтобы многие костюмеры и парикмахеры увидели бы, сколько внимания уделялось костюмам и причёскам исполнителей самых небольших ролей. Когда видишь, как тщательно каждая деталь заранее была продумана, становится понятным, почему всегда в Московском Художественном театре самыми спокойными были дни премьер, так как всё уже было сделано и находилось на своих местах, и оставалось лишь одно - отдать чистосердечно.

И теперь становится понятным, почему зритель Московского Художественного театра был так сдержан и серьёзен во время спектакля и почему спектакль воспринимался не как обычная театральная постановка, а как значительное культурное событие, наполнявшее каждого истинной радостью искусства. Именно поэтому значимость Московского Художественного театра будет особенно велика во всех вопросах, связанных с возрождением России и её будущего. Много подражателей этому театру, возникло немало театральных студий, где стремились копировать, но невозможно подделать подлинные традиции этого театра, ибо они сугубо индивидуальны, и их никому не повторить.

Я очень рад, что Московский Художественный театр приезжает в Америку. Вы здесь уже знакомы со многими видами русского искусства, и этот фундаментальный вид искусства также должен стать известным. Потому что в будущем объединении России и Америки, в которое я глубоко верю, Америке необходимо всесторонне знать Россию и увидеть за красочным театральным занавесом глубокую приверженность к созидательному труду.

Н.К. Репух. *Adamant*. New York: *Corona Mundi*. 1922 г.

СЕНТЯБРЬ

2 сентября 1922 г. Kreuznach
Письмо Ю.Н. Рериха к родителям

6, Auguststrasse / Kreuznach
2 Сент. 22.

Дорогие Папа и Мама!

Как радостно было получить ваши два письма от 2-го и 8-го Авг. Надеюсь, что Вы теперь получили все мои письма из Парижа, Страсбурга и Wiesbaden'a. Остаюсь в Kreuznach до 12-го Сент., оттуда еду в Bonn, осмотреть Университет. Из Bonn'a направляемся в Кёльн, где постараюсь найти антиквара.

Сегодня пришёл первый транспорт книг Берлина (5 книг за 50 cents). Искал для Светы книги по театру, но здешние магазины ничего не имеют. Жду теперь по этому делу известий из Берлина.

Здесь в Kreuznach'e ужасно много русских. Заведующая книжным складом в Kreuznach'e – русская, в Hotel'ях – русские, в поезде – русские. Все друг друга боятся, и говорят на иностранных языках. В Bad Münster живёт какой-то Шидловский.

Пока всё время отдыхаю. Много сплю (11 ½ – 12 часов), играю в теннис. Ездил в Wiesbaden'e верхом, но лошадь была такая кляча, что даже стыдно. Осматривал окрестные замки в горах. Вчера был в театре, приехала франц. труппа из Парижа "Le vieux Colombier" [*«Театр старой голубятни» (фр.) – ред.*] Было довольно хорошо.

Интересных людей здесь нет. Ужасная всё кунсткамера, и сплошной водевиль. Продолжаю заниматься китайским языком. С этим письмом посылаю образец моей визитной карточки (всех званий поместить было нельзя). Надеюсь, что мамино здоровье вполне поправилось. Забота М.М. проявляется во всём. Например, мне нужен был для Парижа письменный стол. Купить его было трудно, и я решительно не знал, что делать. Вчера Жорж получил письмо от одного француза, в котором тот сообщает, что с удовольствием даст мне свой письменный стол (очень большой) без вознаграждения.

Приехал ли Света и Jim на Monhegan? Где Данилов?

Пока крепко вас всех целую.

Жорж посылает Вам любезный привет.

Юрик

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке

4 сентября 1922 г. Нью-Йорк
Письмо Н.К. Рериха к Шibaеву В.А.

Родной мой Яруя, давно не имеем вестей от Вас, и как-то хочется послать Вам слово. Всё ли у Вас ладно? Чуется, что не всё. Но держитесь крепко. У нас много нового. Заварилось новое дело: «Corona Mundi»¹ International Art Exchange (тоже данное дело). Как и было указано, пришли новые люди. И сразу всё трудное стало легко.

Книгу, думаю, надо печатать в Берлине. Там Коган (Жар-птица) предлагает лучшие условия. Надо ли печатать, что книга в пользу нашей ложи? Может быть, как-то общее - без указаний. Лишь титул и год.

Имел я очень важные вести от *Manziarly*² и от *Alcion,a*³. Надо бы Вам как-нибудь с *Manziarly* познакомиться. По письмам - она очень замечательный человек, а главное, понимает путь красоты. Были Вам *messages*. Перепишу и пошлю отдельно.

Конечно, всем нам сложно и нелегко, но ведь и всё время трудное. И надо найти запас сил пережить эти годы. А ухищрения тёмных не малы. Столько покушений на всё доброе. Если бы не была дана большая задача, то трудно было бы противостоять.

Привет всем членам Ложи. Юрик уже в Париже, по адресу Шклявера. Крепко Вас целуем.

Душевно Ваш

H. P.

312 West 54 Street Master Institute of United Arts. New York
4 сентября 1922.

Вестник Ариаварты. 2002. № 1.

6 сентября 1922 г.

Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

6 сент. 1922.

Дорогие друзья, были так рады слышать, как Ояна пишет. Сейчас у нас был *message* чрезвычайной важности: «Хочу дать картинам Рериха исцеления болезней», и были преподаны некоторые условия пользования. Указано сохранить эту тайну в пределах нашего кружка. В Бостон мы приедем в воскресенье в 6 часов утра и выедем дальше дневным поездом. Думаем часов в 6 быть в N.Y. в Wellington'e. Крепко целуем; сердечно рады быть вместе

Ваш

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк

6 сентября 1922 г.

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

- Хочу дать картинам Рериха дар исцеления явления болезни.
- Кроме рисунка костюма и декораций.
- Осторожно уложите картины, написанные сегодня.
- Чуда не открой, кроме Моего круга.
- Урусвати, можешь спокойно ехать в N.Y.
- довольно -
- *Присутствие картины подобно дезинфекции.*

- В случае опасной болезни пристально и долго погрузить глаза в картину.
- Спроси о каждой.

Серия *Sancta*, "Сам встретил", "Вестник", "Сыны Неба", "Экстаз", "Белый Монастырь", "Сказка", "Cor Ardens", "Ростов Великий". Серия "Океан".

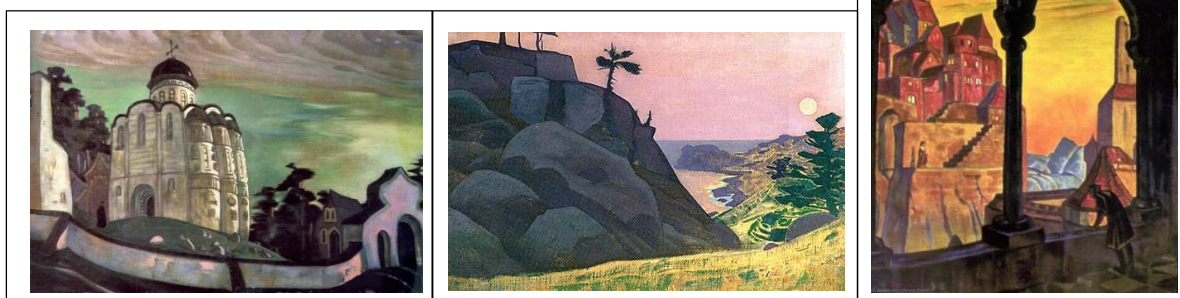

Сам встретил. 1922.

Вестник. 1922.

Сыны неба. 1919.

Экстаз. 1918.

Белый монастырь. 1920.

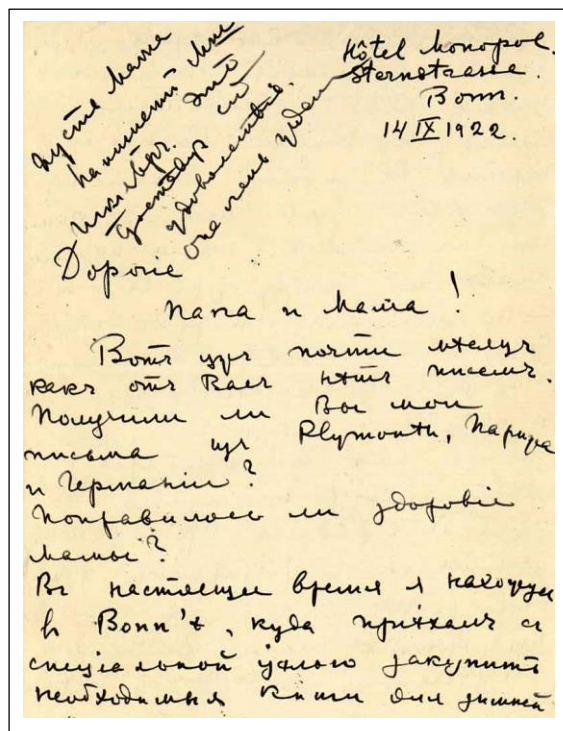
Сказка. 1922.

Cor ardens. 1917.

Ростов Великий. 1922.

14 сентября 1922 г. Бонн.
Письмо Ю.Н. Рериха к родителям.

Автограф письма. Л. 1.

Hotel Monopol / Sternstrasse / Bonn
14. IX. 1922.

Дорогие Папа и Мама!

Вот уже почти месяц, как от Вас нет писем. Получили ли Вы мои письма из Plumont'a, Парижа и Германии? Поправилось ли здоровье Мама?

В настоящее время я нахожусь в Вонн'е, куда приехал со специальной целью закупить необходимые книги для зимней работы. Результаты превзошли все мои ожидания. Нашёл целый ряд необходимых книг по Индии, Китаю и Персии. К моему большому сожалению, для Светика книг ещё не нашёл. Были несколько книг по театру, но все воспоминания старых актёров, не представляющих большого интереса. Постараюсь ещё поискать в Париже.

Завтра иду в Секретариат местного университета узнавать адрес проф. Jacobi, известного санскритиста, учител[я] проф. J.Woods'a.

Из Вонн'а числа 20-го с.м. выезжаем в Кёльн, где буду искать антиквара. Если найду его, то сообщу, что у него имеется.

Числа 23-го - 24-го Сент. вернусь в Париж, где начну исполнять все возложенные на меня поручения (два листа!). Занятия начинаются 14 Ноября, но уже в октябре будет много работы.

В понедельник в первых числах октября мне назначил свидание Проф. Boyer по поводу моей bourse². Возможно, что я ещё получу 250 fr. в месяц от

² Стипендия (фр.) – ред.

ка-кой-то организации. Моё содержание мне будет обходиться у Шклявер 500 fr. в месяц, включая комнату, стол и прислугу.

Пишу Вам в Нью-Йорк, ибо думаю, что Вы уже вернулись.

Please transmit my sincere greetings to Jim Hull³.

Целую Вас и Светку.

Любящий Вас

Юрик

Жорж посылает свой сердечный привет, пишите на 270 rue de Vaugirar, XV, Paris.

Пусть мама напишет М-ме Шклявер. Это доставит ей удовольствие. Она очень ждёт.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

Из дневника З.Г. Фосдик.

15 сентября 1922 г. Нью-Йорк

«...11 сентября приехали Рерихи. Мы все встречали их на вокзале, а вечером пошли навестить их в отель...».

22 сентября 1922 г.

«...В Школе было первое заседание с адвокатом относительно Корона Мунди. Были подписаны бумаги, распределены акции, и Корона Мунди официально вошла в жизнь...».

23 сентября 1922.

Записи Н.К. Рериха:

КНИГА О ЖЕРТВЕ

Какою силою утвердитесь?

Как достигнете исполнения Нашего дела?

Власть, Нами данною.

Мне ли говорить о власти?

Когда всё глупое и когда всё тщеславное к власти устремляется.

Но Я говорю и утверждаю.

Но Наша Власть иная.

Наша Власть – Жертва.

Поясню немногими словами.

³ Прошу передать мой искренний привет Jim Hull.

Когда Курновуу Правитель
Созидал Золотые Врата,
Он стремился во храм,
Но всё же донёс свою жертву.

Когда Соломон искал власть Красоты,
Когда символом Суламифи был показан символ
нечеловеческой правды,
Он всё же остался царём
И донёс свою жертву.

Когда духовный учитель Тибета Аллал-Минг
стремился в горы, где предстал ему Бог.
Он всё-таки остался в долине
И принял чашу.

Когда Шейх Россул-ибн-Рагим
Стремился передать власть сыну,
он всё же услышал голос
И отдал всё, чтобы дойти.

Когда Учитель Ориген отдавал
И телесное и духовное, лишь бы
Научить их последнему преданию Христа,
Он всё же сохранил тяготу Учительства.

Когда Сергей из Радонегии уклонился
От престола Митрополита,
Когда он стремился говорить со зверями,
он всё же остался строить дома общежитий,
И Он сохранил около себя учеников.

Когда Акбар, названный Великим,
Слагал камни единения церкви,
Душа Его стремилась под дерево Мудрости,
Где сходило Ему просветление.
Но Он всё же остался на ступенях трона.

Зная, что есть подвиг.
Зная, что есть власть – жертва.
Если, утверждая завоевание, произнесёте:
Господи, да минет меня чаша сия!
Значит, вы уже имеете право творить,
И дух ваш уже не сокрушим.

Запомните эту книгу о жертве,
Ибо она даст вам врата к завершению и готовности.

И будучи готовыми, вы знаете всё,

Ибо вам всё будет открыто, и принесено, и рассказано.

Но только откройте уши и запомните.

А главное, читайте и повторяйте,

Ибо часто оболочка ваша затемняет знание духа.

И глядя на сужденный пожар,

вы скажете: вот почему вчера я вынес вещи мои.

И глядя на молнию, вы преклоните голову,

Почитая веление Бога.

Я сказал и заповедал.

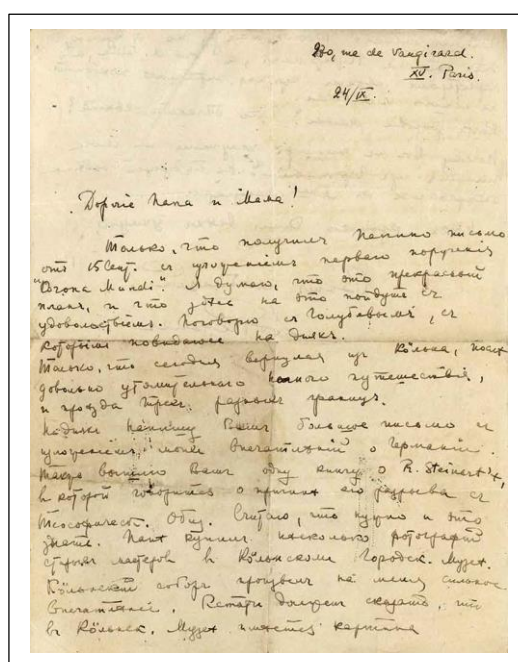
Храните.

ММ.

Публикуется по изданию: Записи Учения Живой Этики. Т. 2. М. 2008

24 сентября 1922 г. Париж.

Письмо Ю.Н. Рериха к родителям

Автограф письма. Л. 1.

270, rue de Vaugerard / XV PARIS
24/ IX

Дорогие Папа и Мама!

Только что получил Папино письмо от 15 Сент., с изложением первого поручения "Согна Мунди". Я думаю, что это прекрасный план, и что здесь на это пойдут с удовольствием. Поговорю с Голубевым, с которым повидаюсь на днях.

Только что сегодня вернулся из Кёльна, после довольно утомительного ночного путешествия и проезда трёх разных границ.

На днях напишу Вам большое письмо с изложением моих впечатлений о Германии.

Также вышлю Вам одну книгу о R. Steiner'e, в которой говорится о причинах его разрыва с Теософическ[ой] Общ[иной]. Считаю, что нужно и это знать.

Папе купил несколько фотографий старых мастеров в Кёльнском Городском Музее. Кёльнский собор произвёл на меня сильное впечатление. Кстати, должен сказать, что в Кёльнском Музее имеется картина, приписываемая Wouwerman'у, но я думаю, что это не Вуверман, а Van d. Velde. ибо характером своим картина страшно походит на нашего V. d. Velde.

Как здоровье Мамы? Что делает Света? Почему Вы не пишете, получили ли мои письма из Германии?

На будущей неделе отправляюсь к М-ме Манциарли.

Пока крепко вас всех целую,

Ваш любящий

Ю. Рерих

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке

25 сентября 1922 г.

Письмо Н.К. Рериха к Аксели Галлен-Каллела

М-ру Аксели Галлен-Каллела
Хельсинки, Финляндия

Дорогой друг,

Я так счастлив, что могу отправить Вам эти два листочка. Я знаю, что Вы, будучи великим художником, признаете наши международные миролюбивые цели, и не только оцените их, но будете активно сотрудничать с нами для того, чтобы воплотить их в жизнь.

Я доверил исключительное право на мои работы "Corona Mundi", и если у Вас есть соображения, касающиеся Ваших прекрасных работ, я могу уверить Вас, что они окажутся в самых идеальных руках, и что там с ними будут обходиться наилучшим образом, а Ваше имя будет произноситься с самым высоким уважением.

Надеюсь вскоре получить Ваш ответ, ответ друга, и если нашим финляндским коллегам потребуется что-нибудь ещё, будьте добры, дайте знать, и вам всё будет прислано немедленно. Каждое слово от Вас – это сердечный подарок.

Братский привет,

Николай Рерих.

Публикуется по изданию: Елена Сойни «Северный лик Николая Рериха». Самара. Издательский дом «Агни». 2001. С. 127.

28 сентября 1922 г. Париж.
Письмо Ю.Н. Рериха к родителям.

270. rue de Vaugirard . Paris, XV
28. IX. 22.

Дорогие Папа и Мама!

Надеюсь, что Вы уже получили моё письмо от 24-го с.м. из Парижа, которое было написано по приезде в Париж. Все эти дни я страшно был занят. Заказал себе очень хороший костюм у хорошего портного (дешёвый костюм покупать нельзя). Вообще начинаю обмундировываться, а то я совсем износился.

В будущую Пятницу или Субботу поеду к М-ме Манциарли в <А...>. В Понедельник 1-го окт. иду к проф. Воуер говорить об условиях bourse. Повидаю также Голубева и кн. Тенишеву. Дела у меня очень много. Живу сейчас на би-вуаке, ибо комната моя ещё не приведена в порядок.

Много хожу по Парижу. Был в Musee Guimet и Louvre. Папина картина висит в Люксембургском Музее. В Povillion Marsan ещё не был, ибо он был в тот день закрыт.

Вчера в 2 ч. ночи со мною произошёл странный случай, который я должен Вам описать. Проснувшись, я заметил, что вся комната наполнена розовым светом (хотя ставни были закрыты, и окна не было видно). Ясно был виден камин и книги на камине, подушки на постели и мелкие вещи на письменном столе. Это явление продолжалось около 8 минут и сильно меня изумило. Спросите М. М., что оно могло бы значить.

Как здоровье Мама? Что делает Света? Привет Hull'у.

Целую Вас крепко, любящий Вас

Ю. Рерих

P.S. Что произошло с Даниловым?

Пусть Мама напишет письмо М-ме Sklever хотя бы короткое и по-русски.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке

28 сентября 1922 г. Нью-Йорк
Письмо Е.И. Рерих к Рериху Ю.Н.

28 Сент.

Дорогой мой мальчик,

опять ждём твоих писем, уже несколько дней, как нет ничего от тебя. Пиши, родной Юханчик, папа всё ещё находится под впечатлением твоего письма от 6-го Сент., в котором ты пишешь, что всё более и более проникаешься мыслью Великого Служения и признаёшь, что тебе нужно было быть в Америке. Я редко видела нашего Пасика таким счастливым, даже слёзы выступили на глазах, и сейчас он всей душой устремлён к тебе, в желании укрепить тебя в этом устремлении.

Чудеса всё продолжают, дружба наша с новыми друзьями всё растёт и, кажется, нет ничего, чтобы они не сделали во Имя Его.

Поездка наша обеспечена и теперь вопрос, когда лучше начать хлопотать о вещах – уехать мы можем в начале июня.

На днях получили извещение из Washington'a, что будет выдана виза Бо-ре и его жене, как только они покинут Советскую Россию. Нам он очень нужен

здесь для новых дел. – Помнишь сообщения 1921 г.: что – «Нужно советовать брату ехать в Америку» - затем, конечно, ты не помнишь, но у нас записано в 1921 г.: «Новый человек придёт и купит картины» - «новый человек поймёт сущность Рериха». И 9-го <июля> 1921 г. – «Лучше продать картины L., а теперь ясно, что L – есть Lovis H[orsch].

Каждую субботу мы собираемся все вместе и пишем. Последний раз дана была «Книга о жертве». Будущую субботу обещана «Книга о радости».

Прекрасно пишут Грант и <Сента>, всё больше о нас и о нашем великом поручении – им всё сказано, кроме того, в снах и символах, они всё это прочувствовали и поняли.

Очень радостно то, что они начинают осязать это дивное творчество в мелких деталях жизни и этим самым жизнь их обогащается и превращается в сказку. Скоро начнём писать историю школы, причём люди будут знать иллюзорную историю, а настоящая будет храниться в Safe.

Вчера 27 сент. было сказано: «Олумо не доволен учеником. Сурово смотрит на удовольствие. Ударя понимая не может одобрения победе турок». Что это значит? Говорили ли вы об этом или он таит это в себе, ибо не знает Великого Плана. Сообщи нам его настроение.

Ты ничего не пишешь, каким ты его нашёл, растёт ли он духом? Каково его понимание происходящего?

Милый мой мальчик, не забудь своё поручение у Манциарли, помни, что ты должен высоко держать наше имя. Она сейчас проникнута восторженным поклонением папе и видит в нём будущего лидера, а потому удержи её в этом понимании. Это очень важно, ибо ты знаешь, что в Ад[ьяре] мы ничего не найдём. Новые, новые, новые придут...

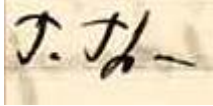

Получаем ряд удивительных писем от учеников М. из Калифорнии - все они видят в видениях папу, окружённого серебристым сиянием. – Изумительно!!!

Милый, родной мой Юханчик, подсчитай, насколько тебе могут хватить твои средства, нам нужно знать, когда приблизительно понадобится тебе подкрепление.

С воскресенья начну искать квартиру, ибо так указано.

Null будет жить с нами, благодаря ему я в курсе Светкиных дел. Бедняга запутался, каждый новый человек имеет на него влияние, и он не знает, куда ему устремиться. Одно сейчас приятно, что иллюстрации <их> произвели хорошее, даже очень хорошее, впечатление, и Светик начал рисовать, прекрасно рисует всяких чудных местных и

Ну. пора кончать, иду завтракать с мальчиками, а затем отправлюсь по де-

лам. мой самый сердечный привет М.К. и [ ] поцелуй.

Пиши, родной мой, и береги себя.

Скоро увидимся

Мама

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке

[Сентябрь 1922 г. Нью-Йорк]
Письмо Н.К. Рериха к Шибееву В.А.

Родной Яруя!

Беспокоимся, не имея от Вас писем, и особенно ввиду следующих сообщений:

15 июля: «Среди затворов, среди избиений, среди молчаний, среди восстания. Среди их. Среди тех. Помни обо Мне. Сила всегда с вами. Пишите Яруе».

17 сентября: «Яруя нуждается в письме. Руку ему протяните. Нужно сказать ему: «Новым верь». Учитель силу имеет щита поднять до явления счастья. Учитель чует руку, о помощи просящую. Учитель помочь готов. Учитель утвердить может колебания почвы. Учитель может явить новых. Учитель может послать учение. Учитель считает смелость подвигом. Учитель являет силу верным. Русские! - когда кончите клевету?»

Итак, понимаете, почему мы тревожимся. Пишите.

У нас идет большая работа. Даны новые прекрасные люди.

Привет друзьям.

Духом с Вами

✍

Письмо Н.К. Рериха к Шибееву В.А.

Родной Яруя!

Шлю Вам вести о нашей новой мирной организации. С посланною помощью мы подтянули ещё одно дело — будущего глубокого значения.

Так хочется иметь Вашу весть и знать, что ничто Вам не мешает.

Целую Вас крепко

✍

1922.

Публикуется по: Н. К. Рерих, "Дерзайте!" Письма (1921-1925). Абакан. 2012.

30 сентября 1922 г. Нью-Йорк
Записи Н.К. Рериха:

КНИГА О РАДОСТИ

Может ли стоять дерево прочно?

Может, может, может,

Если корни лежат глубоко под землёй и невидимы.

Я сказал вам о красоте,

Я сказал о любви,

Я сказал о действии.

Я сказал о преданности,

Я сказал о готовности

И о сострадании.

Я показал вам окно боя.
Я показал значение отважности.
И, наконец, Я призвал вас к Великому Служению!

Но где же одежда, чтобы в ней взойти на ступени Храма?
Где же ткань достойная,
Чтобы прикрыть наготу и тень тел наших?
Но во всём Мире трепещет ткань живоначала.
Во всём Мире живёт одеяние достойное.

И трепещет и бьётся и звучит радость.

В этой одежде и взойдёте на ступени.

Этой одеждою вы прикроете тело.

Они разрывают ткань Бога.
Они смеются над лоскутами её.

Но дочь Мира, и Матерь Вселенной соединят куски ткани.
И готовыми вы подойдёте, чтобы получить одеяние ваше.
Ибо где же власть и где жертва, если нет радости?

И где оно, сострадание, и она - преданность?
И где она - любовь к творению,
Если плечи не украшены тканью Матери Мира?

И когда вы будете строить храм Красоты,
И на подходах к нему раскинете сад радости,
То назовите сад этот Моим Именем,
Ибо Я сказал вам -
Радуйтесь, дети!

И перейдя границы власти и жертвы,
Облекшись в сияние радости,
Мы скажем в день следующий о молитве.
Эта книга о молитве и подвиге заключит первое
троекнижие.

Радуйтесь, радуйтесь, радуйтесь!